

Генеральная Ассамблея
Совет Безопасности

Distr.: General
26 June 2020

Original: Russian

Генеральная Ассамблея
Семьдесят четвертая сессия
Пункт 98 m) повестки дня

**Всеобщее и полное разоружение: осуществление
Конвенции о запрещении разработки, производства,
накопления и применения химического оружия и о его
уничтожении**

Совет Безопасности
Семьдесят пятый год

**Письмо Постоянного представителя Российской Федерации
при Организации Объединенных Наций от 19 июня 2020 года
на имя Генерального секретаря и Председателя Генеральной
Ассамблеи**

Настоящим имею честь препроводить памятную записку Российской Федерации о расследованиях в Организации по запрещению химического оружия эпизодов предполагаемого применения химического оружия в населенном пункте Аль-Латамна 24, 25 и 30 марта 2017 года (см. приложение).

Буду признателен за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Генеральной Ассамблеи (по пункту 98 m) повестки дня) и Совета Безопасности.

(Подпись) В. Небензя

Приложение к письму Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 19 июня 2020 года на имя Генерального секретаря и Председателя Генеральной Ассамблеи

О расследованиях в Организации по запрещению химического оружия эпизодов предполагаемого применения химического оружия в населенном пункте Аль-Латамна 24, 25 и 30 марта 2017 года

Соображения общего характера

Как следствие успешных действий вооруженных сил Сирийской Арабской Республики против находящихся в Сирии многочисленных террористических формирований участились случаи необоснованных обвинений официального Дамаска в якобы противоправных акциях против населения собственной страны, включая мнимое «применение химического оружия».

На фоне требований некоторых западных стран и их «единомышленников» об отставке законно избранного президента Сирии Б. Асада не прекращаются информационные вбросы об инцидентах с химическим оружием или токсичными веществами на подконтрольных антиправительственным силам территориях. Их инициаторами и исполнителями являются одни и те же финансируемые из-за рубежа псевдодуганитарные организации и структуры по типу пресловутых «Белых касок». Используя такие приемы, Соединенные Штаты Америки и их союзники пытаются опосредованно дискредитировать правительство Сирии, оправдать свое военное вмешательство во внутрисирийский конфликт, включая нанесение ракетных ударов «возмездия» по объектам военной и гражданской инфраструктуры Сирии в нарушение Устава Организации Объединенных Наций и общепризнанных норм международного права. Именно в таком контексте следует рассматривать деятельность Группы по расследованию и идентификации (ГРИ), навязанной Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) странами Запада вопреки основополагающим положениям Конвенции о запрещении химического оружия и заложенному в Конвенции принципу консенсуса.

С учетом задач, поставленных перед ГРИ ее создателями, вполне предсказуемыми стали выводы первого доклада ГРИ по химинцидентам в населенном пункте Аль-Латамна 24, 25 и 30 марта 2017 года с обвинениями сирийского правительства в применении химоружия. Неприемлемые методы проведения расследования, сомнительная достоверность изложенных в докладе сведений, необоснованность выводов наглядно продемонстрировали стремление группы стран во главе с Соединенными Штатами Америки использовать надуманное сирийское «химическое досье» для реализации своих геополитических замыслов в Сирии и на Ближнем Востоке в целом.

Несмотря на развернутую странами Запада активную информационно-пропагандистскую кампанию в поддержку «объективности, профессионализма и независимости» ГРИ, невозможно скрыть очевидное: доклад получился предвзятым, политически ангажированным, фактологически недостоверным, крайне слабым с профессиональной точки зрения и технически неубедительным. Даже формулировка основного вывода — «есть разумные основания полагать» — свидетельствует о том, что авторы доклада не смогли прийти к однозначному заключению.

Вслед за весьма сомнительными и противоречивыми результатами работы на сирийском направлении Миссии по установлению фактов применения химического оружия в Сирии (МУФС) и бывшего Совместного механизма по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций ГРИ в очередной раз пытается доказать военную целесообразность применения химического оружия сирийскими вооруженными силами. Однако даже содержащееся в докладе некое подобие анализа боевой обстановки в районе населенного пункта Аль-Латамна и города Хама в марте — апреле 2017 года приводит к логичному выводу об отсутствии необходимости в такого рода действиях со стороны сирийских правительственных сил. В рассматриваемый период сирийская армия при поддержке авиации продолжала наступление в провинции Хама, вернув под свой контроль до 75 процентов ее территории. Этот успех свидетельствовал о самодостаточности имевшихся в этом районе армейских сил и средств для решения задач по борьбе с террористами, а также об отсутствии даже теоретической потребности в применении химического оружия или токсичных химикатов.

Очевидно, что применение трех химических боеприпасов в течение недели интенсивных боевых действий не позволило бы достичь «на земле» ни сколько-нибудь значимого практического результата, ни даже некоего подобия эффекта устрашения местного населения, которое в своем большинстве не поддерживает боевиков. Наоборот, именно боевикам и террористам была выгодна такого рода провокация, чтобы вызвать соответствующую «международную реакцию» и тем самым хоть как-то затруднить или ослабить наступательные действия сирийской армии.

Наряду с политическим контекстом всей ситуации с так называемым «сирийским химическим досье», недостоверным доклад ГРИ делают также следующие обстоятельства.

1. Свое расследование ГРИ осуществляла дистанционно, без выезда экспертов в район предполагаемого применения химического оружия и без какого-либо участия сирийской стороны. Такой метод по сути сводит на нет всё расследование.

Руководство Технического секретариата ОЗХО даже не сочло необходимым в соответствии с требованиями Конвенции о запрещении химического оружия официально уведомить Дамаск о начале работы ГРИ по указанным эпизодам.

2. В качестве источников информации ГРИ ссылается на некие неназванные государства — участники Конвенции о запрещении химического оружия, свидетелей-анонимов, «различные» и «множественные» источники. Отмечаем, что большинство структур, к чьей «помощи» прибегала ГРИ, действует в интересах сирийской оппозиции и финансируется государствами, настроенными враждебно по отношению к Дамаску. Среди этих структур обращают на себя внимание Chemical Violations Documentation Center of Syria (CVDCS), Human Rights Watch, Open Society Justice Initiative, Peace SOS, Syria Civil Defence (SCD), Syria Justice and Accountability Centre, Syrian Archive, Syrian Network for Human Rights (SNHR), Syrian NGO Alliance.

Возникают многочисленные вопросы в отношении хорошо знакомых по МУФС и Совместному механизму по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций методов работы персонала ГРИ. В докладе, к примеру, содержится более 50 ссылок на неких «специалистов», «специализированные и криминалистические институты», о государственной принадлежности и роде деятельности которых ничего не сообщается. Ясно одно: использовавшиеся в качестве источников информации персоналии и структуры никак нельзя отнести

к разряду нейтральных по отношению к официальному Дамаску. Их предвзятость ко всему происходящему в Сирии, начиная с 2011 года, не вызывает сомнений.

3. С учетом дистанционного характера расследования ГРИ ее заверения в «тщательной оценке», «проверке» или «реконструкции» последовательности действий МУФС для обеспечения сохранности доказательств («chain of custody») остаются бездоказательными умозаключениями. На практике пробы и фрагменты якобы химических боеприпасов передавались МУФС некими лицами (как правило, сотрудниками «Белых касок») в третьей стране по прошествии нескольких месяцев после самих инцидентов. Как следствие, нет никакой уверенности в том, что переданные МУФС материалы и образцы были действительно отобраны в Аль-Латамне, а не в каком-то другом месте на территории Сирии или даже другой страны. Соответственно, нет оснований для утверждений о соблюдении последовательности действий для обеспечения сохранности доказательств.

Аналогичная ситуация со свидетелями МУФС и ГРИ: нет, в частности, каких-либо доказательств ни их реального существования, ни пребывания на момент химинцидентов непосредственно в Аль-Латамне.

В докладе обойден вниманием весьма чувствительный вопрос: передал ли Технический секретариат ОЗХО сирийской стороне часть проб, полученных МУФС от упомянутых неизвестных лиц? Насколько известно, несмотря на соответствующие неоднократные запросы Дамаска, этого сделано не было.

Всё вышеизложенное представляет собой грубые нарушения Конвенции, Приложения к ней по проверке и принятых в рамках ОЗХО других документов на этот счет.

4. ГРИ со ссылкой на некие спутниковые снимки продолжает обвинять Сирию в наличии на авиабазе «Шайрат» хранилищ химических боеприпасов. Откуда такая уверенность и способность «визуально» отличить соответствующие объекты от хранилищ обычных боеприпасов, непонятно. Возникает также вопрос: где были эти спутниковые снимки в 2017 году?

Еще в 2017 году сирийская сторона настаивала на безотлагательном посещении авиабазы «Шайрат» специалистами ОЗХО и давала надлежащие гарантии безопасности. К сожалению, поездка была сорвана действиями внешнего агрессора — Соединенных Штатов Америки, которые поспешили нанести 7 апреля 2017 года по авиабазе ракетный удар, чтобы не допустить официального опровержения экспертами ОЗХО голословных обвинений в адрес правительства Сирии в химинциденте в населенном пункте Хан-Шейхун 4 апреля 2017 года. Что касается специалистов ОЗХО, то до авиабазы они так и не добрались, мотивируя это тем, что после ракетного удара там, дескать, смотреть уже было нечего.

В целях дальнейшего прояснения создавшейся ситуации в апреле 2017 года Россия и Иран представили в Исполнительном совете ОЗХО проект решения, которым Генеральному директору Технического секретариата официально поручалось бы провести инспекцию авиабазы «Шайрат». Это предложение было отклонено Соединенными Штатами Америки и их союзниками, инициировавшими голосование по нему. При этом никаких разумных доводов в подкрепление этой своей позиции они не привели.

ГРИ полностью проигнорировала изложенные выше обстоятельства, выдвинув бездоказательные обвинения в адрес правительства Сирии.

5. Нелепо выглядит приведенная в докладе информация относительно источников данных о деятельности на авиабазе «Шайрат». Утверждается, в частности, что они исходят от некоей сети «наземных наблюдателей» из оппозиционных группировок, которые якобы перехватывали разговоры летчиков о целях для нанесения авиаударов и их координат. Кто эти люди, какими техническими возможностями они располагали, какова достоверность их «наблюдений»? Ответов, разумеется, нет.

Все вышеприведенные обстоятельства и целый ряд нестыковок, которые разбираются ниже, в конечном итоге укладываются в законченную картину, свидетельствующую о том, что главная цель ГРИ — оправдать незаконные акты агрессии Соединенных Штатов Америки и их союзников против Сирии в 2017–2018 годах и создать иные поводы для прямого вмешательства «заинтересованных» государств во внутренние дела Сирийской Арабской Республики.

Оценки доклада Группы по расследованию и идентификации по конкретным эпизодам предполагаемого применения химоружия в населенном пункте Аль-Латамна

В докладе ГРИ имеются разночтения с документами МУФС и Совместного механизма по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций. В ряде случаев они носят принципиальный характер.

Так, обращает на себя внимание отсутствие во всех трех случаях координат по географической привязке предполагаемых событий, что весьма важно при добросовестном проведении расследования.

По инцидентам 24 и 30 марта 2017 года ГРИ предприняла попытку привязать якобы «уникальную» технологию, которую применяли сирийцы для синтеза бинарного зарина, как безусловное доказательство того, что больше никто другой этого сделать не мог. Такого рода утверждения просто некорректны.

После присоединения Сирии к Конвенции о запрещении химического оружия Дамаск передал в ОЗХО подробные данные о методах синтеза зарина, а часть вывезенных из Сирии его прекурсоров уничтожались на американском специализированном судне «Кейп Рэй» в Средиземном море. Таким образом, «уникальная» рецептура «сирийского» зарина уже давно не являлась секретом и могла быть легко воспроизведена даже в кустарных условиях с целью организации провокаций на территории Сирии.

По инциденту 24 марта 2017 года

1. Со ссылкой на некие полетные данные и информацию из «различных» (неустановленных) источников ГРИ утверждает, что 24 марта 2017 года самолет сирийских военно-воздушных сил сбросил по крайней мере один боеприпас, снаряженный токсичным химикатом. В докладе указано, что ГРИ провела оценку видеозаписей района предполагаемого химинцидента и подтвердила их геолокацию посредством «двух независимых проверок специализированным институтом». Иными словами, была проведена геолокация просто неких видеозаписей, но не самого места предполагаемого инцидента.

2. По результатам анализа видео ГРИ сделала вывод, что образовавшаяся воронка имела глубину от 1 до 2 метров, диаметр около 2,5 метра, округлую форму и, следовательно, соответствовала эффекту применения авиабомбы (п. 7.9). Однако на имеющейся в отчете фотографии представлена воронка других размеров, а в докладе МУФС (S/1636/2018, п. 5.14) указано, что, по показаниям свидетеля, глубина воронки составляла 1 метр, диаметр — 1,5 метра. Объяснение такому несоответствию отсутствует.

3. В докладе ГРИ говорится об использовании «при благоприятных погодных условиях» химической авиабомбы (в снаряжении 132 кг зарина). При этом в отчете МУФС по этому эпизоду говорится об отсутствии погибших и лишь легкой степени поражения пострадавших. МУФС сообщает о примерно 30 пострадавших из числа гражданских лиц (п. 5.12), которым была оказана медицинская помощь, а в докладе ГРИ отмечается наличие только 16 пострадавших, среди которых — как гражданские лица, так и боевики, 5 из которых были интубированы (п. 7.14). Показательно также, что ГРИ так и не удалось найти медицинские карты лиц, предположительно пораженных заринном, а симптоматика поражений зафиксирована будто бы со слов медицинского персонала и самих пострадавших. При этом, как отмечено в докладе ГРИ, кем-то якобы установлено, что некоторые пострадавшие провели в неустановленной больнице от 24 часов до 10 суток (п. 7.15).

Доклад ГРИ в данном контексте не содержит ничего, что могло бы пролить свет на столь существенные расхождения. Нет также ответа на вопрос, какая именно терапия применялась для лечения пораженных, в каких документах велись записи о методах и ходе лечения, назначениях врачей и т. п.

4. Из шести образцов металлических фрагментов, якобы извлеченных из воронки и переданных МУФС представителями «Белых касок» 19 февраля 2018 года, только два признаны в какой-то мере относящимися к применению химического оружия (SDS28, SDS29). Данные о том, кто отбирал эти фрагменты на месте инцидента, где и как они хранились до передачи в МУФС, отсутствуют. Детально изучен был лишь один фрагмент (SDS28), представляющий собой тяжелую металлическую конусообразную часть с прикрепленным металлическим листом (фото в докладе отсутствует). После проведения фотограмметрического исследования и на основании мнений «специалистов по боеприпасам» сделан вывод о якобы принадлежности фрагмента к сирийской химической авиабомбе M4000. Однако у специалистов-профессионалов есть веские основания сомневаться в правильности такой оценки.

ГРИ, к примеру, сама отмечает в своем докладе, что согласно информации «от государств — участников Конвенции о запрещении химического оружия и из публичных источников» ей стало известно о переоборудовании сирийцами в 2013 году имевшихся у них 2000 неснаряженных химических авиабомб в обычные и использовании их в ходе боевых действий еще до ратификации Дамаском Конвенции (п. 7.21). Однако этот факт в документе не подтверждается в силу отсутствия, дескать, соответствующих документов и вещественных доказательств. При этом умалчивается о наличии в открытом интернет-доступе видеороликов (один из признанных МУФС и бывшим Совместным механизмом по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций источников информации), в которых боевики демонстрируют извлеченные из земли неразорвавшиеся «химические» авиабомбы M4000, снаряженные обычными взрывчатыми веществами.

Таким образом, с учетом вышеизложенного и сильной (продолжительностью не менее пяти лет) коррозии практически всех переданных МУФС металлических фрагментов нельзя исключить, что они могли принадлежать неразорвавшимся или ранее сдетонировавшим «химическим» авиабомбам, переоборудованным в обычные боеприпасы. Кроме того, из-за отсутствия материалов технической экспертизы в целом возникают сомнения относительно принадлежности всех пяти представленных металлических фрагментов к авиабомбам M4000.

5. В отношении «химической» части доклада ГРИ, в которую включены основные результаты будто бы дополнительных исследований, отмечаем, что они либо уже были известны из докладов МУФС по составу рецептуры, либо

вызывают серьезные сомнения в их правильности и обоснованности. Есть также вопросы по наличию на переданных в ОЗХО в феврале 2018 года металлических фрагментах следов «чистого зарина», который является нестойким химическим соединением (в теплое время разлагается в течение нескольких часов). Следует отметить, что такой же «чистый зарин» был обнаружен в пробах грунта, извлеченного как непосредственно из воронки (SLS35), так и в радиусе до 100 метров от нее. Отмечен он также и в переданной МУФС 12 августа 2017 года (через четыре месяца после инцидента) такой же пробе «из воронки» (п. 7.32). Какие-либо объяснения этого феномена в докладе отсутствуют.

По инциденту 25 марта 2017 года

1. В докладе МУФС фигурировали два вертолета, якобы сбросившие в общей сложности четыре баллона с хлором, а в документе ГРИ — лишь один вертолет и один баллон. Согласно заключению МУФС (п. 5.44), один из сброшенных баллонов будто бы поразил железобетонную с грунтовой засыпкой «крышу расположенного в скале госпиталя», при этом пробив ее без детонации взрывчатого вещества (по имеющимся данным, толщина крыши составляла не менее 2 метров). Со ссылкой на результаты экспертизы в лаборатории DL3 указывается, что таким веществом был тринитротолуол, следы которого были обнаружены на этом баллоне.

В ГРИ же считают (п. 8.28), что подрывной заряд в этом единственном баллоне вообще отсутствовал и его вскрытие/деформация были вызваны кинетическим воздействием при ударе о крышу, что доказывается абстрактным (и в силу этого сомнительным) математическим моделированием. Официальные материалы технической экспертизы пробития баллоном железобетонной крыши госпиталя, а также его деформации в момент удара в докладе не приведены. Размер и внешний вид отверстия, якобы образованного в результате проникновения баллона через крышу в помещение, свидетельствуют, что оно имеет весьма ровные края, что характерно для вентиляционных отверстий в подземных сооружениях незаконных вооруженных формирований.

2. Утверждается, что в результате этого «нападения» погибли 3 человека и около 32 получили поражения (п. 8.22). Большинство поражений были квалифицированы как «преимущественно умеренные» (п. 8.24), хотя для полузамкнутых помещений их тяжесть должна быть высокой. Указано также, что «...невозможно с высокой степенью уверенности заключить, что описанные симптомы (поражения) были вызваны газообразным хлором». Медицинская документация отсутствует.

3. Эксперты ГРИ не смогли прийти к однозначному выводу о применении хлора (п. 8.35): «...нет ни одного химического вещества, которое бы однозначно и прямо указывало на применение газообразного хлора и на его происхождение». Тем не менее делается парадоксальный вывод, что баллон с хлором, сброшенный вертолетом сирийских военно-воздушных сил, пробил крышу больницы, попал внутрь помещения с последующим поражением примерно 30 лиц (п. 8.36).

По инциденту 30 марта 2017 года

1. В докладе ГРИ не указаны размеры воронки, а лишь утверждается, что она образована авиабомбой с низкой взрывной нагрузкой, что, дескать, косвенно свидетельствует о «химическом предназначении» боеприпаса (п. 9.8).

В пункте 32 приложения № 5 утверждается, что «...третий металлический фрагмент (упоминаемый в докладе МУФС под кодом 08SDS) является конструктивной частью системы смешивания (смесителя) химической авиабомбы М4000». Оснований для такого рода умозаключений в документе вновь не приводится.

Не может служить доказательством применения в Аль-Латамне химической авиабомбы и якобы обнаруженный на месте инцидента универсальный авиационный взрыватель, поскольку он используется в самой широкой номенклатуре авиационных боеприпасов.

В целом же все анализируемые фрагменты якобы сирийской «химической» авиабомбы М4000 имеют следы сильной коррозии. По имеющимся фотографиям сложно с точностью определить продолжительность коррозии, однако в климатических условиях Сирии она явно превышает пять лет. Вместе с тем, по утверждениям МУФС и ГРИ, фрагменты были изъяты из воронки непосредственно после применения авиабомбы, что не может соответствовать действительности. Российские специалисты неоднократно указывали на это важное обстоятельство, однако ГРИ полностью проигнорировала данную информацию и не провела необходимую экспертизу.

2. ГРИ, как и МУФС, утверждает, что 30 марта 2017 года в Аль-Латамне пострадало 60 человек. Как и при инциденте 24 марта, обращает на себя внимание отсутствие погибших, что требует объяснения с учетом высокой летальности при применении зарина. На контрасте: по утверждению МУФС, в городе Дума 7 апреля 2018 года от одного баллона с хлором якобы погибло порядка 70 человек, хотя хлор многократно менее токсичен, чем зарин.

3. Согласно докладу МУФС по этому инциденту, представителями «Белых касок» данной Миссии было передано 10 проб грунта и 25 металлических фрагментов. В 34 случаях назначенные лаборатории обнаружили либо зарин, либо вещества, имеющие к нему отношение, в качестве продуктов разложения или технологических примесей. При этом результаты анализов существенно отличаются по одним и тем же пробам в части идентификации соответствующих веществ. Наряду с этим анализ четырех биомедицинских проб — предоставленных представителями «Белых касок» образцов крови и волос якобы пострадавших — показал полное отсутствие биомаркеров зарина. Для нас очевидно, почему такого рода факты, ставящие под сомнение применение в Аль-Латамне зарина, в докладе ГРИ отсутствуют.

4. В пункте 11.10 доклада ГРИ рассуждает о том, что инсценировать такую атаку с применением химического оружия могла бы только высокоорганизованная группа, а «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), мол, к таковым не относится. Подобный вывод — тем более в привязке только к ИГИЛ — представляется странным. Саму возможность «химической» инсценировки 30 апреля подтверждает видеоряд, на котором двое неизвестных в зеленых защитных костюмах британского производства отбирают пробы грунта на территории, помеченной табличками на английском языке «Опасность». Затем они забирают эти таблички, и «в зоне заражения», как ни странно, появляется еще один человек, но уже в обычной одежде и шлепанцах на голых ступнях, что в ситуациях с применением боевых отравляющих веществ нервно-паралитического действия выглядит просто фантастически.

Вопрос: почему в ГРИ полностью проигнорировали этот видеоматериал, наглядно подтверждающий постановочный характер данного химинцидента? Что касается способных на подобные постановки «высокоорганизованных» групп, то их, благодаря усилиям кураторов из спецслужб известных

«заинтересованных» государств, в рядах противников законных сирийских властей вполне достаточно. Упомянем лишь «умельцев-белокасочников», которых весьма организованно эвакуировали из Сирии и приютили у себя правительства некоторых западных государств, предоставив «бонус за молчание».

Продолжающаяся политизация работы ОЗХО на сирийском направлении неприемлема. Ответственные государства — участники Конвенции о запрещении химического оружия должны совместными усилиями положить конец попыткам Соединенных Штатов Америки и ряда других государств поставить эту организацию «на службу» своим политическим и геополитическим интересам.
